
О. Н. ЯНИЦКИЙ

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ XX ВЕКА: ОЧЕРК СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ

Постановка вопроса

В современной литературе экологическая культура трактуется очень по-разному. Как особая культура, присущая «экологическому сообществу» (братству) (Забелин 1998; Вернадский 2001). В других случаях говорят об «экологическом авангарде» общества (Milbrath 1984; Яницкий 1996). Как тип культуры (культурной рефлексии), возникающий в эпоху модернизации и роста населения планеты (Douglas Wildavsky 1982; Douglas 1992; Murphy 1997). Как специфический тип протестной культуры, возникающий на пересечении растущих ожиданий населения в условиях демократизации и снижающегося качества среды непосредственного обитания миллионов людей (Touraine at al. 1983; Vari and Tamas 1993; Temkina 1997). Как некоторый специфический срез человеческой культуры, детерминируемый господствующим способом производства, в частности, как элемент, ограничивающий аппетиты субъектов капиталистического рынка (Dickens 1992). Экологическая культура трактуется также как специфический вид этики, моральный императив или система заповедей (Partridge 1981; Борейко 1999; Борейко и Морохин 2001). Наконец, как предположил Д. С. Лихачев, существует экология самой культуры, то есть особый – надлежащий или идеальный – тип ее организации (Лихачев 1980).

В общем виде под экологической культурой я понимаю *ценностное отношение некоторого социального субъекта (индивид, группа, сообщество) к среде своего обитания: локальной, национальной, глобальной. Это отношение формируется в ходе практического освоения мира человеком (познавательных, хозяйственных, обучающих и иных практик), фиксируется в*

нормативно-ценностных системах и реализуется в действиях социальных субъектов и институтов.

Отмечу некоторые методологически существенные моменты. Во-первых, эта культура формируется в процессе социальной практики, которая всегда имеет две ипостаси: потребительскую или даже разрушительную (человек живет за счет ресурсов природы, точнее, всей среды обитания) и созидательную, воспроизводственную, конструирующую (включая охранительную, защитную), когда человек озабочен обустройством среды своего бытия (Яницкий 2003). Первая чаще всего преобладает в периоды войн, экспансий большого и малого масштаба, а также когда человек экстенсивно ведет хозяйственную или иную деятельность. Вторая характерна для периодов обживания, укоренения и интенсификации использования уже социально освоенного пространства. Естественно, что в жизни эти про- и контрэкологические тенденции сосуществуют и пересекаются.

Во-вторых, как и другие виды культуры, есть экологическая культура элитарная и массовая. Элитарная, в свою очередь, разделяется на идеологизированную и сайентистскую. В-третьих, экологическая культура не есть нечто отдельно данное. Она порождается и воспроизводится деятельностью ключевых социальных институтов общества. Например, если приглядеться, то исторически отношение «государство–человек» и «государство–природа» подобны. Начиная с эпохи Петра I и по сей день господство государственной машины над личностью отражается в отношении человека к среде своего обитания. Поэтому лозунг «Храните хранителей!», то есть берегите тех, кто возделывает, культивирует, сохраняет культурный ландшафт, выдвинутый знаменитыми экологами Р. Дюбо и Б. Уорд более 30 лет назад, остается актуальным и по сей день (Уорд, Дюбо 1975). Наконец, в формировании (и преобладании) определенного типа экологической культуры огромную роль играет «свободное», то есть доступное для освоения, пространство природы.

В статье конспективно рассматриваются этапы формирования экологической культуры в советский и постсоветский периоды российской истории.

На рубеже веков

Центральная идея начала XX века – создание эталонов нетронутой природы (заповедание) в научных и эстетических целях.

Носители идеи, «сайентисты» (экологи), – представители естественнонаучной и гуманитарной интеллигенции (Анучин 1914; Бородин 1914; Докучаев 1892). Сильно влияние европейских ученых и природоохранников (Г. Конвентц, П. Саразин). (Детальный обзор этих и других работ российских естествоиспытателей второй половины XIX – начала XX века см. в: Реймерс, Штильмарк 1978; Круть, Забелин 1988; Вайнер 1991.) Вторая ведущая идея, носителями которой являются основатели краеведческого движения из элитарной среды русской интеллигенции: Н. П. Анциферов, Д. И. Шаховской, С. Ф. Ольденбург (см., например: Анциферов 1926; Шаховской 1992) – сохранение российского культурно-исторического ландшафта, памятников природы и культуры.

Российская интеллигенция была обеспокоена состоянием среды обитания. «Естественные производительные силы почвы, – писал философ В. С. Соловьев, – не безразличны – *народ* рано или поздно *съедает землю*, если не перейдет от первобытного хищнического хозяйства к искусственному, или рациональному»... Эта «уже наступившая беда не есть частное и случайное явление, а роковое следствие общего (обнимающего, по крайней мере, большую половину России) стихийного процесса, который, несомненно, будет ускорен беспечно-хищническим отношением населения к природе (вырубание лесов), а также некоторыми благонамеренными, но необдуманно предпринятыми (осушение болот), но который теперь уже не может быть остановлен охранительными мерами... Медленно накапливавшиеся изменения климата и почвы, заметные и прежде отдельным более внимательным наблюдателям, достигли в настоящее время результата такой величины, которая бросается в глаза всем, переступает, так сказать, порог общественного сознания»

(Соловьев 1989: 433–438). Показательно, что Соловьев опирался на работы естествоиспытателей А. С. Ермолова и В. В. Докучаева.

Отношение государства к идее заповедания было тогда нейтральным, иногда благожелательным. Что же касается среды социальной, сотворенной руками человека, то вслед за Англией и другими европейскими странами в России распространяется идея «города-сада», созданная английским экономистом Э. Говардом (Howard 1902). Ее адепты в России – либеральная интеллигенция (см., например: Мижув 1916). Ее усилиями в стране создается движение за создание «городов-садов» (немалую роль в пропаганде этой идеи сыграли ученые и писатели). Основная масса городского населения практически обо всем этом ничего не знала и в движении не участвовала. Крестьянская экологическая культура оставалась в значительной мере «общинной», традиционной и даже архаической (Фирсов, Киселева 1993).

Революция и последующее десятилетие (1917–1929 гг.)

Первая мировая война, революция и последовавшие за ней гражданская война, разруха и голод были разрушительны для природы и городской среды. Когда целенаправленно разрушалась нормативно-ценностная система общества, создаваемая в течение веков, трудно было предположить, что могут возникнуть креативные экологические практики. Миллионы людей погибли, земля была заброшена, города бедствовали. Тем не менее два вида такой практики все же существовали, хотя и в ограниченных масштабах.

С одной стороны, старая гуманитарная и естественнонаучная интеллигенция старалась спасти, что было можно. Так, летом 1917 г. участники организационного собрания Ассоциации российских естествоиспытателей и врачей отмечали, что «трудно себе представить более неблагоприятные условия для дискуссий относительно охраны природы». Тем не менее их моральный императив был следующим: «Природа находится в опасности и эмигрировать не может. Значит, мы должны остаться в России, чтобы защищать ее».

После подписания в 1921 г. правительственного декрета «Об охране памятников природы, садов и парков» (Галеева, Курок 1986)

Народный комиссариат просвещения РСФСР стал официально институтом, ответственным за охрану природы. Фактически охрана природы и памятников культуры, то есть *наиболее ценных* (в природном и культурном отношении) *мест и ландшафтов*, становилась элементом культурной политики большевизма. Та часть гуманитарной и естественнонаучной интеллигенции, которая осталась в Советской России, не только служила ей, но и создала в те годы массу организационных ячеек (общественных комиссий, клубов, ассоциаций) для реализации этой задачи. Вплоть до 1926–27 гг. научные и культурные связи с Европой и Америкой в данной области продолжали развиваться.

С другой стороны, это был период интенсивного поиска и выдвижения новых – конструктивных – идей в организации среды обитания. И творческая интеллигенция, и естествоиспытатели были озабочены поиском принципов ее организации для условий социалистического строительства. Нужен был культурный эталон, образец этой организации. Для «просвещенных большевиков» (А. Н. Луначарский, Г. М. Кржижановский, Н. К. Крупская и др.) и связанной с ними интеллигенции таким эталоном стал «зеленый город» (в основе которого лежала социалистически-интерпретированная идея «города-сада»), который в доступной массам графической форме должен был выразить идею «социалистического переустройства быта» – так называемый соцгород (Сабсович 1929; Барщ, Гинзбург 1930; К проблеме... 1930). Естествоиспытатели выдвинули идею заповедника как эталона нетронутой природы, необходимого для решения не только научных, но и задач воспитания и просвещения, что тоже можно трактовать как культурный эталон. Следует отметить, что 1920-е гг. были «золотым десятилетием» краеведческого движения, сочетающего цели сохранения памятников культуры и природы (Смидович 1930; Шмидт 2004). Городское население вовлекается в массовые акции по сохранению природы («Дни леса», «Дни птиц»), сельское – силовым образом приобщается к «колхозной», по сути феодальной, культуре. Традиционная крестьянская культура разрушалась.

Вместе с тем началась длительная полоса идейного противостояния: критики «голой идеи консервационизма» против

адептов принципа «природа ценна сама по себе». Другая линия противостояния: сайентисты («рациональное использование природы») против утилитаристов («все ресурсы – на службу социалистическому строительству»). Иными словами, эволюционные принципы противопоставлялась конструированию, ценность «места» (и знания о нем) – включению в поток революционной ломки.

Годы «большого террора» и великого перелома

Форсированная индустриализация и коллективизация, сопровождаемые партийными и комсомольскими призывами, растущей милитаризацией повседневной жизни, голодом, массовыми репрессиями, постоянным перемещением огромных масс людей, означали отрыв людей от «места» – от пригнанных друг к другу трудом многих поколений привычных условий существования, *утерю культурных корней*. Интенсивно пропагандировалась и организационно закреплялась культура временного, казарменного уклада жизни. Крестьянская культура окончательно теряла свои корни, свои устои (Чаянов 1925; Ахиезер и др. 2002). В этих условиях сформировалась и в течение многих десятилетий вперед господствовала культура *кочевого образа жизни*, где среда, природная или городская, была «для мобилизованного и призванного» лишь временным пристанищем, станцией пересадки, пунктом сбора, лагерем, бивуаком.

В 1928 г. В. И. Вернадский писал: «В такие эпохи истребления, разрушения было складывавшегося заботливого ведения хозяйства и перевода *coute que coute* [любой ценой] всего, что возможно, в валюту (идушую, в первую голову, идейно на мировую революцию, реально – и на веселую жизнь господствующей группы), основы национального богатства должны быть затронуты, и это отражается на столь же быстром и разрушительном изменении природы, как разрушается и меняется социальный строй живущего в этой природе социального механизма» (Вернадский 2002: 82).

Весьма показательно, что разгром средоохранных организаций и их директивную перестройку И. В. Сталин начал в 1930 г. с краеведческого движения – движения гораздо более мощного в те годы, чем природоохранное. Краеведы, носители памяти о

прошлом страны, об исторической ценности «мест», были опасны для тех, кто конструировал нового советского человека. «Место» как носитель исторической памяти народов, населяющих СССР, было помехой на пути социалистических преобразований.

Строго говоря, рассуждать о существовании того или иного типа экологической культуры (как о типе отношения некоторого социального субъекта к среде обитания) можно лишь при наличии элементов самоорганизации социальной жизни. Если же жизнь не выходила за рамки казармы, то есть налагаемой извне конструкции, безразлично: фабрично-заводской, военной или лагерной, – то *казарма и была средой обитания* – ценностного отношения к тому, что находилось за ее пределами, просто не существовало. Эта казарменная культура была достаточно агрессивной, постоянно стремилась расширить поле своего влияния (на сферу образования и воспитания, гражданский быт, сферу свободного времени).

Тем не менее даже внутри казарменного уклада существовали островки самоорганизации – в основном как социально-экологические анклавы прошлой культуры. Так, элементы крестьянского быта переносились в фабричные города, городского быта – в военные городки, а очаги элитарной культуры существовали, как мы теперь знаем, и в сталинских лагерях – в частности, такими очагами были знаменитые «шарашки» (Солженицын 1990). В среде естественнонаучной интеллигенции таким хранителем экологического знания было Московское общество испытателей природы – МОИП (Мирзоян 1995). Подобно тому, как в XIX веке ссыльные декабристы оказали сильное цивилизующее влияние на жизнь сибирских городов, советские естествоиспытатели, которые выжили в лагерях и ссылках, создали в начале 1960-х гг. в глубокой провинции очаги экологической культуры в виде новых заповедников, биологических станций и других ячеек охраны природы. Но все же это были лишь «очаги», инерция культуры прошлого, которая постепенно замирала.

Парадигма системной исключительности

Попробуем сделать некоторое обобщение. На мой взгляд, в основе экологической культуры тоталитарного общества лежит «парадигма системной исключительности», которая имплицитно

содержит следующие императивы: 1) *аксиологический императив*: тоталитарная система – высший тип развития общества, к которому должны стремиться все другие общества. Эта система потенциально способна преобразовать весь социальный и природный мир; 2) *императив тотальной управляемости*: данная система способна управлять всем – природой, людьми, развитием культуры. Коммунистическая идеология, военно-промышленный комплекс и силовые структуры суть главные рычаги развития этой системы. «Общественность» и общественные организации суть приводные ремни системы управления; 3) *императив прогресса*: настоящее и будущее данной системы представляется как бесконечное прогрессивное развитие. Перманентная мобилизация людских и природных ресурсов позволяет преодолевать любые ограничения. Природа будет превращена в техносферу и приспособлена к нуждам развития данной системы; 4) *императив примата системы над средой*: мир есть бесконечный набор ресурсов для достижения целей системы и хранилище отходов ее жизнедеятельности. Чем территориально обширнее система, тем она сильнее; 5) *императив примата идеологии над культурой*: человеческая природа, сформированная феодализмом и капитализмом, должна быть переделана в соответствии с коммунистической идеологией («создание нового человека»). «Положительная селекция» может быть произведена насильственно. Из культуры прошлого берутся только те элементы, которые служат данной цели. Объем «отходов» человеческого и культурного материала значения не имеет; 6) *геополитический императив*: тоталитарная система окружена враждебным миром. Поэтому наращивание военно-промышленного комплекса и силовых структур суть главные инструменты достижения господства над этой враждебной внешней средой (подробнее см.: Яницкий 1996; 2002).

«Инженерия» как ядро социалистической культуры

Когда И. Сталин назвал писателей «инженерами человеческих душ», это была не пустая фраза. Фактически «инженерия», конструирование всего и вся стали идеологией и политикой послевоенного периода.

Восстановительный период 1946–50 гг., продолжение форсированной индустриализации в городе и на селе, разрастание военно-промышленного комплекса, лысенковщина, борьба с космополитизмом, дальнейшее огосударствление творческих союзов и добровольных обществ – все это были формы конструктивистского отношения к природе и обществу. Господствующая утилитаристская идеология «все ресурсы природы – на службу социалистическому строительству» дополнялась конструктивистской – амбициозным «сталинским планом преобразования природы» (Решения партии... 1968: 531–549). Ключевыми словами этого и многих подобных государственных и партийных документов были «обязать», «довести задания», «установить», «создать», «закрепить» и бесконечное число раз «организовать». Территория заповедников сокращалась. Природоохранное движение, много лет сопротивлявшееся государственному утилитаризму, постепенно трансформировалось в массовую организацию по благоустройству и озеленению городов и стало, таким образом, еще одним «приводным ремнем» партийной политики.

Старая интеллигенция («спецы») в очередной раз была дискредитирована – наиболее значимым событием была сессия ВАСХНИЛ 1948 г., закончившаяся разгромом отечественной генетики (Стенографический отчет.. 1948; Дубинин 1992). Ученые все более вытеснялись партийными «выдвиженцами». «Научная экологическая общественность» как политически и культурно значимый институт прекратила свое существование. Связи с западной наукой были прерваны. Снова, как в 1930-х гг., экология, генетика и природоохранное движение оказались на одной линии фронта защиты природы от политического вмешательства (Weiner 1999: 92). Тем не менее наиболее стойкая часть советской интеллигенции, участвуя в работе далеких от политики государственных и общественных организациях (Московский филиал Географического общества СССР, МОИП, постоянные экспедиции АН СССР и др.), продолжала борьбу за сохранение сети особо охраняемых участков природы (заповедников и др.), воспитывала молодое поколение защитников природы.

Войны, голод и репрессии произвели в очередной раз гигантскую «отрицательную селекцию» населения (Сорокин 1994; 2003). Кроме того, оргнабор на восстановительные работы и освоение

Севера, призыв в армию, после которого молодежь оседала в городах, – все это приводило к перемещению, перемешиванию десятков миллионов людей и, тем самым, к отрыву их от своих культурных корней. В сельской местности выживание за счет личного подсобного хозяйства, охоты и собирательства, то есть за счет природы, были формами массовой экологической культуры.

Со смертью И. Сталина и прекращением массовых репрессий инженерный подход к среде обитания, природной и урбанизированной, отнюдь не был сдан в архив. В этом смысле эпоха Хрущева (с середины 1950-х до середины 1960-х гг.) оказалась еще более «конструктивистской». В ходе продолжавшейся индустриализации и урбанизации (строительство каскада ГЭС на Волге, освоение Севера, целинных и залежных земель, «великие стройки коммунизма», ликвидация личных подсобных хозяйств, рекрутирование «лимитчиков» в большие города) социально освоенная среда обитания в очередной раз расширялась и реструктурировалась, а природная – подвергалась насилию. Население продолжало интенсивно перемещаться и перемешиваться, его отчуждение от привычной среды обитания усиливалось. Власть в очередной раз сократила число и размер заповедных территорий. Тем самым утилитаристская и конструктивистская идеи получили дальнейшее воплощение.

Однако начались и противоположные процессы: восстанавливалась связь советских экологов с западными научными центрами; в ходе публичных дискуссий и в форме временных и постоянных общественных комиссий (о Генплане Москвы, о строительстве ЦБК на Байкале) (см., например: Гольдфарб 1996); снова возрождалась научная общественность; писатели-«деревенщики» вскрывали деградацию крестьянской культуры; заповедники силами уцелевших экологов превращались, по словам С. Залыгина, в «острова свободы»; старая интеллигенция готовила себе преемников в клубах молодых биологов. Населению была разрешена самоорганизация в сферах благоустройства,

озеленения и самообеспечения продуктами питания. Формой массовой экологической культуры становится труд на огородах и садовых участках.

Эпоха стабильности и обживания (1960–80-е гг.)

Поздний социализм, или «эпоха Брежнева» (1964–1982 г.), был отмечен постепенным ослаблением идеологического контроля КПСС над естественными науками. Участие советских ученых в международных экологических программах открыло им дорогу в международное «экологическое сообщество». Доступ к научным архивам породил интерес к идеям В. И. Вернадского о биосфере и ее переходе в ноосферу. Научная и педагогическая экологическая общественность развивает различные формы экологического активизма: профессиональные клубы, разработка моделей экологического города (программа «Экополис») и форм рационального лесопользования (Кедроград), студенческие дружины охраны природы, экспедиции и путешествия (Яницкий 1996; Weiner 1999).

Под флагом возрождения национальной русской культуры начинается критика государственной политики природопользования (В. Белов, С. Залыгин, В. Распутин, Ф. Шипунов). Впервые в истории страны экологическая проблематика стала формировать публичный дискурс. Грань между научной и массовой экологической общественностью начинает размываться. Возникают первые массовые гражданские инициативы в сфере охраны природы, которые поддерживаются центральной прессой, т. е. начинается процесс их институционализации. Наконец, с конца 1950-х гг. начинает восстанавливаться краеведческое движение (Шмидт 2004). Так или иначе, но возрождение «культуры места» началось.

Экологическая культура 1960-х гг. – это культура ожидания и больших надежд на спокойную мирную жизнь тех, кто выжил, и их потомков. «Нам и внукам» – так называлась одна из первых в послевоенные годы книг в защиту природы, написанная Д. Л. Армандом (1964). «Чтобы только не было войны» – этот общенародный рефрен относился не только к «миру», это было стремление к жизни спокойной, безопасной, обустроенной.

Всенародное ожидание наступления, наконец, некоторой определенности, повторяемости повседневной жизни, ее предсказуемости и оседлости. Поэтому я называю ее *культурой места*. Другая сторона экологической культуры этого периода – это ее антитехнократизм, отрицание насилия, директив сверху, гигантомании и уничтожения привычной среды обитания. Примеры таких протестов общеизвестны: против строительства ЦБК на Байкале, гигантских проектов мелиорации, позже – против переброски части стока сибирских рек на Юг.

У этой «культуры места», точнее, *культуры ценности места* и посему необходимости его защиты, было два лидера, два субъекта-носителя: интеллигенция (ученые, люди творческих профессий) и местное население, теперь уже достаточное образованное (по меркам того времени это был советский средний класс), сытые по горло партийно-комсомольскими мобилизациями и желавшие жить нормальной, устоявшейся и предсказуемой жизнью.

Следует подчеркнуть, что, хотя внешне эта культура была «протестной» (против очередной бездумной реконструкции центра Москвы, против строительства гигантских плотин или ГЭС, влекших за собой затопление миллионов квадратных километров ценнейших сельскохозяйственных земель и превращавших малые города и села центральной России в «архипелаг Атлантид»), в действительности это были выступления «за» – за сохранение нетронутой природы или культурного ландшафта, за сбережение культуры прошлого, за сохранение обжитой (уже в который раз!) среды обитания, которые позволили бы жить спокойно и безбедно не только настоящему, но и будущим поколениям. Люди, наученные горьким опытом «Архипелага ГУЛАГа», не хотели новых переселений и расставания с «отеческими гробами» навечно.

Постепенно у экологического авангарда советской интеллигенции сформировались институциональные ниши, или, как я называю их, *«порождающие среды»*. Это были университеты, на базе которых сформировались студенческие дружины охраны природы (в основном на биологических и географических факультетах университетов), научно-исследовательские институты, научные союзы (например Совет АН СССР по проблемам биосферы), творческие союзы (архитекторов, художников,

кинематографистов) и некоторые центральные издания (газета «Советская Россия», журнал «Сельская молодежь»), которые предоставляли свои полосы для публичных дискуссий по экологии (Яницкий 2002). А также многочисленные самодеятельные организации на местах. Самодеятельные – вовсе не значит второсортные, тиражирующие столичные образцы, поскольку их лидером была местная интеллигенция (учителя, врачи, клубные работники, журналисты местной прессы).

Огромную роль в налаживании, поддержании и повышении ценности стабильности жизни, ценности «малого», усвоения образцов оседлого «про-экологического» поведения сыграла так называемая народная дипломатия (культурный обмен между городами-побратимами, туристические поездки делегаций за рубеж, научные конференции, встречи и семинары представителей единственно официально разрешенного тогда международного движения за мир). Экологическая культура Запада, с ее качествами спокойной, налаженной, во многом самоорганизующейся снизу, хотя и весьма интенсивной повседневной жизни, постепенно проникала в СССР и разрушала мобилизационные стереотипы сознания тоталитарного периода. Я не случайно акцентирую слово «место». Советский человек был не в состоянии трансформировать технократическую машину позднего социализма. Поэтому он начал с доступного ему – с защиты и обживания «места» (собственного жилища, дома, приусадебного участка и поселка). Не дожидаясь прихода демократии, советский человек начал обустройство своей жизни «снизу».

Наступившая, наконец, с конца 1960-х гг. устойчивость, понятность структуры общества-государства была чрезвычайно существенной во многих отношениях: с точки зрения идентификации индивида в социальном пространстве, выбора им места работы, жительства, способов добывания средств к жизни или вложений в ее обустройство в будущем (например, заработки на Севере – покупка дома на Юге). Весь жизненный цикл человека ассоциировался у него с определенными «местами» и характером взаимоотношений с ними (временное или постоянное пребывание,

добывание средств к жизни или их вложение в воспитание детей, покупка квартир или индивидуального жилья, садоводство и огородничество и т. д.).

Характерно, что Чернобыльская катастрофа была поначалу воспринята не как зловещее предзнаменование наступления эпохи всеобщего риска, порожденной гонкой вооружений и технократизацией всего сущего, а, прежде всего, как человеческое бедствие, несчастье. Чернобыльская катастрофа породила мощный гуманистический импульс, наладила многие тысячи связей взаимопомощи и взаимопонимания.

Важно, что в середине 1970-х гг. часть российских ученых-технократов опомнилась. Создатели оружия массового уничтожения стали говорить совсем о другом – о мирной жизни, о возможности сосуществования, о конвергенции, о наличии общечеловеческих ценностей и общих для планеты экологических проблем. Надо сохранить, сберечь, усовершенствовать то, что было восстановлено после мировой войны или вновь создано – таков был общий обертон этого гуманистического поворота технократов (см., например: Сахаров 1990). Все явственней становилось противоречие и конфликт между культурой технократической, конструктивистской и культурой собственно экологической, то есть культурой, в основе которой лежали принципы эволюции, постепенности, осмотрительности. Не конструирования и бесконечного социального экспериментирования, а вдумчивого совершенствования того, что уже сделано. Аккуратного опробования, тестирования любых новаций, умения просчитать их отдаленные последствия.

Это была установка на переход от культуры мобилизационной, бивуачной, номадной к культуре обживания и обустройства, практике малых дел, совершенствования и постепенного наращивания того, что было уже создано. Чем дальше, тем больше люди стремились жить спокойно «здесь и сейчас», не ожидая очередной мобилизации, насильственного переселения или иных бед, столь характерных для первой половины века.

Как только люди обрели возможность спокойной жизни с минимальным материальным достатком, они стали интересоваться

своими культурными корнями: откуда они, как они появились. Возник острый интерес к истории семьи и ее ближайшего окружения (см., например: Семенова, Фотева 1996). В этом смысле процесс формирования экологической культуры *аналогичен процессу самоидентификации*, выяснения кто я и откуда я, в каких социальных сетях я вырос и существую.

Обустроенное и укорененное в культуре место – вот первичная ячейка формирования экологической культуры. На смену десятилетиями культивируемого понимания места как «пустого пространства», чистого листа, где можно сконструировать любую форму социальности, пришел интерес к месту как к среде формирования личности. Это было вовсе не «местничество». Люди, работая, читая, путешествуя, общаясь, хотели накапливать потенциал этой первичной ячейки и отдавать его другим. Людей побуждал к перемещению в пространстве не командирский приказ или окрик конвоира, а внутренний интерес, интерес к познанию и накоплению культурного капитала. Популярность путешествий по стране, группами или в одиночку, достигла в эти годы своего пика (Ярошенко 1989).

Увидев, насколько прекрасным может быть малое, будь то узкие улочки прибалтийских городов, русские монастыри или просто частица нетронутого природного ландшафта, у людей стала возникать идиосинкрзия к гигантомании, к пустынным проспектам новых городов. И по мере сил они старались их обустроить или уйти из этой среды. В этом смысле дом и огород на садовом участке, которые сотнями тысяч выросли на российских пространствах, были не только источником пропитания и местом отдыха, но и своим *лично обустроенным* пространством.

Экологическая культура 1970–80-х гг. – это культура места, несмотря на то, что способы, которыми они предполагали это место обустроить и защитить, были различны – от охранительных до радикальных, однако в центре их общего культурного ядра было место, его самоорганизация с использованием исторического и экологического знания. Иначе говоря, в основе ценностного ядра экологической культуры этого периода была идея «микросистемности», то есть сосуществования, совместимости природного и социального начал.

Перестройка и реформы (1985–1999 гг.)

Это именно два разных периода: резкого роста экологической озабоченности населения и его про-экологической активности в 1985–90-х гг. и столь же резкого их спада в ходе экономических и политических реформ в 1993–99 гг.

Первый период имел явную про-экологическую окраску: общество пришло к согласию, что экологизация его уклада жизненно необходима. На короткий период понятия демократизации и экологизации стали синонимами. Интеллигенция выступила в роли экологического авангарда общества. Начался процесс институционализации экологической активности, то есть выработки правил и норм экологически ориентированной экономической и социальной деятельности. Быстро развивалось экологическое законодательство. Параллельно и даже с опережением шло формирование организационных структур для институционализации «экологического поворота» (были созданы министерство экологии, экологические службы на местах, экологические фонды, экспертные советы, множество общественных организаций, «зеленая» пресса). В начале 1990-х гг. на пространстве бывшего СССР функционировало более 300 печатных и электронных экологических газет и бюллетеней (Белов, Фомичев 1996). Фактически это была уже международная «зеленая» сеть.

Перемещение экологической проблематики в центр публичного дискурса – принципиальный пункт. Более того, «научная экологическая общественность» и непрофессионалы («человек с улицы») вступили в прямой контакт. Часть научной интеллигенции сознательно оставила профессиональную деятельность, чтобы стать профессиональными политиками от экологии. Предпринимаются попытки разработки «экологической альтернативы» реформирования российского общества (Лемешев 1990).

1988–1991 гг. – короткий период массовой поддержки экологического движения студенчества и интеллигенции со стороны социальных движений демократической ориентации (народных фронтов). В поддержку экологического движения выступают пресса, университеты, научные институты, творческие

союзы (писателей, журналистов, художников, архитекторов). Экологическое движение не только интенсивно развивается, но и культурно диверсифицируется на консервационистов, традиционалистов, альтернативистов (экоанархистов), собственно местные гражданские инициативы, экополитиков, экопатриотов и экотехнократов (Фомичев 1997; Yanitsky 2000). К концу рассматриваемого периода экологическая активность общества резко падает и большинство экологических движений трансформируется в неправительственные экологические организации (НПО) и их сети.

Распад СССР, форсированное введение рынка как основного регулятора всех видов человеческой жизнедеятельности, ресурсная ориентация экономики, «периферизация страны» в системе глобального миропорядка – все это привело к *тотальной реструктуризации социально освоенного пространства*. Эта реструктуризация произошла, прежде всего, вследствие смены формы собственности, приватизации, захвата и вытеснения (ложное банкротство, силовой захват и передел собственности), а также выброса энергии социального распада (беженцы, вынужденные мигранты, безработные, нищие). Одни поселения оказались на грани исчезновения, другие были просто заброшены, бывшая глубокая провинция в одночасье стала новым «фронтиром» (Глазычев 2003), появились новые «очаги» процветания и обширные зоны социально-экологического бедствия. Пространства, которые еще вчера были доступны всем (пригородные леса и рекреационные зоны), стали частной собственностью.

Приватизация, анонсированная как «благо для всех», обернулась на деле сверхприбылью для единиц, которая тут же вкладывалась в улучшение *их собственной среды обитания* – чаще всего за кордоном. Стабильность страны была достигнута за счет формирования нескольких монополий, распоряжающихся невозобновимыми ресурсами и подавляющих «чужаков» силовыми методами. Монополизация и глобализация как новый мировой порядок означают ускоренное исключение экономически слабых регионов из процесса модернизации. Эти процессы – реальная угроза формирования на территории страны двух *практически*

независимых и качественно отличных экосистем. Первая, живя за счет бесконтрольной эксплуатации природных ресурсов, культивирует потребительскую культуру. Вторая, деградируя из-за безработицы, этнонациональных конфликтов, природных и рукотворных катастроф, становится постоянным источником культуры бедности. Основными чертами последней являются возврат к архаическим формам жизненного уклада, массовый экологический утилитаризм (выживание за счет сверхэксплуатации природы и «разборки» технических инфраструктур), вовлечение населения в экологический криминал (Яницкий 2003).

Сделаем еще одну попытку теоретического обобщения. Хотя рассмотренные выше два периода сильно различаются, представляется, что их общим экокультурным знаменателем является предлагаемая мною «парадигма переходного общества», которая также может быть представлена как некоторый набор императивов:

1) *аксиологический императив*: создание рыночного общества по западному образцу – главная цель трансформационного процесса. Отсюда, господствующими являются потребительские ценности, утилитарное отношение к природе и человеку; 2) *императив тотальной управляемости*: переход к рыночному обществу может быть осуществлен «сверху» посредством политических и экономических рычагов. Организации гражданского общества должны быть управляемы, чтобы способствовать этому процессу; 3) *императив прогресса*: «догоняющая модернизация» на основе сверхэксплуатации существующих источников невозобновимых ресурсов. Человеческая цена реформ незначительна, так как государство более не является социальным. Природа – источник ресурсов модернизации и хранилище ее отходов, ее экосистемные свойства имеют рыночную стоимость; 4) *императив примата (рыночной) системы над средой*: среда обитания представляет собой бесконечный набор ресурсов для построения рыночной системы и хранения отходов ее жизнедеятельности. Прошлые экосистемные структуры (семья, профессиональные группы, территориальные сообщества) имеют ценность только в том случае, если они служат обозначенной выше цели; 5) *императив*

примата идеологии над культурой: челове-ческая природа, сформированная социалистическим обществом, должна быть переделана в соответствии с либеральной идеологией (по сути, это снова идея «создания нового человека»). «Положительная селекция» в этом направлении осуществляется в основном экономическими методами. Из культуры прошлого (социалистического) общества берутся только те элементы, которые служат данной цели. Объем «отходов» человеческого и культурного матери-ала в ходе реформ значения не имеет; б) *геополитический императив*: открытие России миру при сохранении ее территориальной целостности любой ценой. У России есть зоны особых интересов. Укрепление «силового каркаса», восстановление контроля над зонами ее особых интересов и трансграничными ресурсными и энергетическими потоками – основные цели геополитики периода реформ (Яницкий 1996; 2002).

В начале нового тысячелетия

Глобальный контекст, в который включилась Россия, вновь меняет отношение к среде обитания, ценность ее отдельных «мест». Наступает новый – глобальный – этап реструктуризации социально освоенного пространства.

Во-первых, возникновение глобальных экологических проблем (парниковый эффект, экологический терроризм) инициировало формирование глобального экологического дискурса на международном (научном и публичном) уровнях. «Хранители», по терминологии Р. Дюбо, практически бессильны перед этими глобальными угрозами.

Во-вторых, в условиях глобализации ресурсная ориентация экономики страны имеет далеко идущие социокультурные последствия. «Место» вновь быстро теряет свою самоценность – его значимость и само существование определяются его включенностью в транснациональные/глобальные ресурсные сети (нефте- и газопроводы и др.). Это «включение», как и прежде, означает исчезновение сложившегося природного и культурного ландшафта, распад локальных (эндемичных) сообществ, вынужденные территориальные перемещения, то есть новый этап

«отрицательной селекции». Здесь возможности экологических и краеведческих организаций защитить людей и места их обитания резко суживаются. Как сказал один эоактивист, «мы ведем арьергардные бои».

В-третьих, сама средовая проблематика не только расширяется, но и качественно изменяется. К уже известным рискам (сведение лесов, эрозия почв, загрязнение воды и воздуха) прибавляются «новые-старые» риски – эпидемии уже забытых болезней, неконтролируемая миграция (беженцы, вынужденные переселенцы, нелегалы, беспризорники) и действительно новые – СПИД, наркомания, генетически измененные продукты питания, биологический терроризм.

В-четвертых, углубление экономического расслоения населения страны закрепляет существование двух практически независимых социальных миров: богатых и сверхбогатых, свободно перемещающихся по миру и окончательно утративших связь со своей «малой родиной», и бедных, которые заперты в своих деградирующих «местах» и которым ничего не остается, кроме как жить натуральным хозяйством и дарами природы. Такая экологическая культура есть разновидность «культуры бедности» (Яницкий 2004; Bauman 2004).

Все это происходит на фоне невозможности государства поддерживать уже социально освоенные пространства (поселения, земли, инфраструктуру) и отказа государства от принципов «социального государства», развала экологической науки и деинституционализации государственной экологической политики (ликвидация Госкомэкологии и лесной службы), усиления ее утилитарной направленности (Ларин и др. 2003). Государство и частные собственники сегодня одинаково чужды про-экологическому социальному действию.

Идет дальнейшая вестернизация и политическая маргинализация экологического движения, его распад на совокупность слабо связанных между собою НПО. В целях нейтрализации немногих влиятельных экологических НПО бизнес-группы практикуют политическое конструирование квази-экологических движений.

К этому надо добавить, что к концу 1990-х гг. сформировался тип экологической культуры, отвечающий интересам ТНК. Ее центральным моментом является экоманеджмент. Его суть и направленность – это защита систем добычи и эксплуатации природных ресурсов как от местного населения, так и от давления общественного мнения, то есть нейтрализация сопротивления экологической общественности. Фактически это новый этап развития утилитарной культуры, отражающей интересы частных и государственных структур добычи и переработки природных ресурсов (нефть, газ, лес) и их потребителей.

Экоманеджменту не нужно экологическое знание как таковое. Ему нужны эксперты – не столько экологические, сколько технологические и правовые. Плюс специалисты по связям с общественностью. В современных условиях экоманеджмент – это, прежде всего, страж интересов транснациональных корпораций, позволяющий им быстро извлекать нужный ресурс и избегать конфликтов с общественностью и местным населением.

Культура места находила свое выражение в общении, публичных дебатах и совместных акциях ученых и общественности. Институционально культура экологического менеджмента (помимо чисто технологической ее стороны) существует главным образом в виде отделов по связям с общественностью, которые «разъясняют» политику ТНК, не вступая в диалог с населением. В одних случаях этот новый институт способствует «покупке» нужного ТНК мнения населения, в других – разъясняет ему безальтернативность его ситуации, в третьих – выступает как инструмент разрушения местного сообщества экономическими или силовыми методами. Экологический менеджмент, завязанный, с одной стороны, на международные стандарты (которые в действительности далеко не всегда соблюдаются), а с другой – встроенный в систему рационализации извлечения ресурсов, минимизации его издержек, не может быть диалогическим.

ТНК – это снова господство системы над средой, природной или социальной. Былая «пригнанность» любой социальной ячейки к среде ее обитания, то есть ее экосистемность в прежнем значении, больше не имеет смысла – важна только включенность

этой ячейки в транснациональные институты и потоки. ТНК – носитель корпоративной защитной культуры, которая совершенно отлична от культуры места. Культура ТНК – это культура всесильных замкнутых глобальных структур и сетей, которые трактуют весь остальной мир как бесконечный набор средств для удовлетворения своих appetites. Локальные миры (территориальные общности) не могут противостоять мощным и мобильным глобальным структурам. Это не под силу даже отдельным государствам (Бауман, 2002).

Не менее культурно значимы трансформации среды обитания внутри России. Вместо среды, основанной на социалистических принципах (централизм, коллективизм, устойчивая иерархия производственных и территориальных ячеек), формируется рыночная среда, характеристиками которой являются индивидуализм, конкуренция, неопределенность ситуации, а следовательно, и потенциальная неустойчивость любых социальных субъектов. Форсированно создаваемый российский капитализм не нуждается в общностях прошлого, он формирует свои институты и общности, а следовательно, иную социальную среду.

Меняется все: акторы этой среды, их ценности, ее структурные компоненты, тип связей и отношений. На первое место выходят цели достижения и успеха, причем цели сугубо утилитарные, потребительские, достигаемые любыми средствами. Это означает, что прежние общности, основанные на принципах самоорганизации и взаимной поддержки, теряют свое значение и распадаются. В течение последнего десятилетия экологическая озабоченность населения неуклонно снижается. Цели обживания и обустройства вытесняются целями самосохранения и выживания. Как уже не раз случалось в нашей истории, обустроенная, обжитая ранее среда оказывается ненужной – она деградирует, выделяя энергию распада.

Множатся зоны экологического бедствия, порождаемые техногенными катастрофами и распадом инфраструктур жизнеобеспечения. Другой критический случай – это *зоны гуманитарных катастроф*, образовавшиеся в результате

локальных войн или стихийных бедствий. Население этих зон, не имея возможности трудиться, существует исключительно за счет помощи извне. Министерство ГО и ЧС, спасая людей и материальные ценности, не способно восстановить обжитую среду в ее прежнем состоянии.

Заключение

Эпохи революций и социальных потрясений неблагоприятны для формирования экологической культуры. Как было показано, в прошедшем столетии утилитаристская идеология и практика в общем и целом преобладали над созидательными и сохранительными. Чтобы обрести культурную оседлость, неважно – в малом провинциальном городе или в «сетевом пространстве», нужно время и ресурсы. А это, в свою очередь, предполагает наличие индивида рефлексирующего, размышляющего. Главный инструмент для его формирования и сохранения – наличие в обществе социальной структуры, воспроизводящей и распространяющей по всем каналам социальной коммуникации (государство, бизнес, наука, образование, СМИ) «охранительный императив» отношения человека к среде своего обитания.

За прошедшее столетие российская экологическая культура изменилась качественно, изменился и ее «масштаб». От идеи защиты локальных (эталонных) участков нетронутой природы она эволюционировала в сторону защиты всей среды обитания человечества. От элитарной идеи защиты природы «от людей» она трансформировалась в идеологию массового социального движения, борющегося за сохранение среды обитания именно нас, людей. Если в начале века носителем идеи охраны природы (заповедания) было небольшое научное сообщество и даже отдельные натуралисты и гуманитарии, то сегодня природу и «культуру места» защищают многочисленные национальные и глобальные общественные организации и государственные институты.

Однако с развитием глобальной капиталистической системы, ее постоянно растущей потребностью в невозобновимых ресурсах, стремительным прогрессом сферы конструирования (генетического модифицирования) природы и самого человека, распространением

потребительской идеологии утилитаризм в отношении всей среды обитания берет верх. Ограниченность любого среднего ресурса (земли, воды, нефти) выводит проблему охраны среды из сферы культурного дискурса в область экономического торга и силового воздействия. Локальные войны и конфликты губительны и для человека, и для среды его обитания. Чтобы противостоять этим силам и процессам, нужно сильное гражданское общество, причем не всякое, а основанное на принципе «скромных материальных потребностей» и понимании необходимости сохранения средовых ресурсов для себя и будущих поколений. Теперь уже такое общество глобального масштаба.

Литература

- Анучин, Д. Н.** 1914. *Охрана памятников природы*. М.
- Анциферов, Н. П.** 1926. *Пути изучения города как социального организма: опыт комплексного подхода*. Л.
- Арманд, Д. Л.** 1964. *Нам и внукам*. М.: Мысль.
- Ахизер, А. С., Давыдов, А. П., Шуровский, М. А., Яковенко, И. Г., Яркова, Е. Н.** 2002. *Социокультурные основания и смысл большевизма*. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Бауман, З.** 2002. *Индивидуализированное общество*. М.: Логос.
- Барщ, М. О., Гинзбург, М. Я.** 1930. *Зеленый город. Современная архитектура 1–2*.
- Белов, И. Ю., Фомичев, С. Р.** 1996. *Зеленая библиография. Периодические экологические издания Северной Евразии*. М.: Центр охраны дикой природы.
- Бородин, И. П.** 1914. *Охрана памятников природы*. СПб.
- Борейко, В. Е.** 1999. *Прорыв в экологическую этику*. Киев: Киевский эколого-культурный центр.
- Борейко, В. Е., Морохин, Н. В.** 2001. *Словарь по гуманитарной экологии*. Киев: Киевский эколого-культурный центр.
- Вайнер, Д.** 1991. *Экология в советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы*. М.: Прогресс.
- Вернадский, В. И.** 2001. *Дневники 1926–34 гг.* М.: Наука.

Галеева, А. М., Курок, М. Л. (сост.) 1986. *Об охране окружающей среды: Сборник документов партии и правительства, 1917–1985 гг.* М.: Политиздат.

Глазычев, В. Л. 2003. *Глубинная Россия: 2000–2002.* М.: Новое издательство.

Гольдфарб, С. И. 1996. *Байкальский синдром. Расследование экологического преступления века.* Иркутск: Агентство «Комсомольская правда–Байкал».

Докучаев, В. В. 1951 [1892]. *Наши степи прежде и теперь.* В: Докучаев, В. В. *Сочинения.* М.–Л.

Дубинин, Н. П. 1992. *История и трагедия советской генетики.* М.: Наука.

Забелин, С. И. 1998. *Время искать, и время терять.* М.: Социально-экологический союз.

К проблеме социалистического города. М., 1930.

Круть, И. В., Забелин, И. М. 1988. *Очерки истории представлений о взаимоотношении природы и общества.* М.: Наука.

Ларин, В., Мнацаканян, Р., Честин, И., Шварц, Е. 2003. *Охрана природы России: от Горбачева до Путина.* М.: КМК.

Лемешев, М. Я. (ред.) 1990. *Экологическая альтернатива.* М.: Прогресс.

Лихачев, Д. С.

1980. Экология культуры. *Памятники Отечества* 2.

1982. Экология культуры. *Знание – сила* 6: 22–24.

Мижух, П. Г. 1916. *Сады-города и жилищный вопрос в Англии.* Пятигорск.

Мирзоян, Э. Н. 1995. *Московское общество испытателей природы. 1805–1995.* М.: Изд-во Московского государственного горного ун-та.

Реймерс, Н. Ф., Штильмарк, Ф. Р. 1978. *Особо охраняемые природные территории.* М.: Мысль.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. 1941–1952. М.: Политиздат, 1968.

Сабсович, Л. 1929. *Города будущего и организация социалистического быта.* М.

Сахаров, А. Д. 1990. *Мир, прогресс, права человека.* Статьи и выступления. Л.

Семенова, В. В., Фотеева, Е. (ред.) 1996. *Судьбы людей: Россия XX век*. М.: Институт социологии РАН.

Смидович, П. Г. 1930. Краеведение на путях социалистического строительства. В: Смидович, П., Кржижановский, Г. (ред.), *Социалистическое строительство и краеведение*. М.: ОГИЗ.

Солженицын, А. И. 1990. *В круге первом*. М.: Художественная литература.

Соловьев, В. С. 1989. *Враг с Востока*. В: Соловьев, В. С. *Сочинения*: в 2 т. (432–444). М.: Правда.

Сорокин, П. А.

1994. *Общедоступный учебник социологии*. М.: Наука.

2003. *Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь*. М.: Academia & LVS.

Стенографический отчет о сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина. 31 июля – 7 августа. М.: ОГИЗ–Сельхозгиз, 1948.

Урд, Б., Дюбо, Р. 1975. *Земля только одна*. М.: Прогресс.

Фирсов, Б. М., Киселева, И. Г. 1993. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя. В: Тенишева, Н., *На примере Владимирской губернии*. СПб.: Издательство Европейского Дома.

Фомичев, С. Р. 1997. *Разноцветные зеленые: стратегия и действие*. М.: Центр охраны дикой природы.

Чаянов, А. В. 1925. *Организация крестьянского хозяйства*. М.

Шаховской, Д. И. 1992. Письма о братстве. В: *Звенья*. Исторический альманах. Вып. 2. М.–СПб: Феникс.

Шмидт, С. О. 2004. История, современное состояние и перспективы развития краеведения. В: Шмидт, С. О. (ред.), *Краеведение в России: История. Современное состояние. Перспективы развития* (11–30). М.: АНО ИЦ «Московведение».

Яницкий, О. Н.

1996. *Экологическое движение в России. Критический анализ*. М.: Институт социологии РАН.

2002. *Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика)*. Новосибирск: Сибирский хронограф.

2003. *Социология риска*. М.: Издательство LVS.

2004. Модерн и его отходы. *Социологический журнал* 1, 2: 199–205.

- Ярошенко, В. Г.** 1989. *Экспедиция «живая вода»*. М.: Молодая гвардия.
- Bauman, Z.** 2004. *Wasted Lives. Modernity and its Outcasts*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Dickens, P.** 1992. *Society and Nature. Towards a Green Social Theory*. N. Y, L.: Harvester-Wheatsheaf.
- Douglas, M., and Wildavsky, A.** 1982. *Risk and Culture. An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers*. Berkley and Los Angeles: Univ. of California Press.
- Douglas, M.** 1992. *Risk and Blame: Essays in Cultural Theory*. London: Routledge.
- Howard, E.** 1902. *The Garden Cities of Tomorrow*. London.
- Milbrath, L.** 1984. *Environmentalists. Vanguard for a New Society*. Albany: State University of New York Press.
- Murphy, R.** 1997. *Sociology and Nature. Social Action and Context*. Boulder: Westview Press.
- Partridge, E. (ed.)** 1981. *Responsibilities to Future Generations. Environmental Ethics*. Buffalo: Prometheus Books.
- Temkina, A.** 1997. *Russia in Transition: The Case of New Collective Actors and New Collective Actions*. Helsinki: Kikimora Publications.
- Touraine, A., Dubet, F., Hegedus, Z., and Wiewiorka, M.** 1983. *Anti-nuclear Protest. The Opposition to Nuclear Energy in France*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Vari, A., and Tamas, P. (eds.)** 1993. *Environment and Democratic Transition. Policy and Politics in Central and Eastern Europe*. Dordrecht: Kluwer Academic Press.
- Weiner, D.** 1999. *A Little Corner of Freedom. Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev*. Berkeley: University of California Press.
- Yanitsky, O. N.** 2000. *Russian Greens in a Risk Society. A Structural Analysis*. Helsinki: Kikimora Publications.